ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

1802 — 1866

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1898.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. А. ШАРЛЕМАНЬ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1898.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВОСПОМИНАНІЯ
СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ
КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.
(1854 — 1860 гг.)

(*Окончаніе.*)

IV *).

Какъ мнѣ помнится, зима 1857 года прошла довольно благополучно. Сестры по прежнему служили въ двухъ чернорабочихъ, въ морскомъ калинкинскомъ и въ Кронштадтѣ. Еще въ эту же зиму сестры поступили въ максимиліановскую лечебницу. Туда поступила Мат. Ос. Чунати; она была урожденная баронесса Будбергъ, а въ этомъ госпиталѣ понадобилась именно

[1]) См. выше: май, 55 стр.—Заканчивая печатаніе „Воспоминаній" Екатерины Михайловны Бакуниной, сообщимъ самыя краткія біографическія о ней свѣдѣнія. Е. М. родилась, какъ намъ сообщаютъ ея родственники—въ 1812 г., вѣроятно, въ Петербургѣ, гдѣ отецъ ея былъ въ то время губернаторомъ, а позже—сенаторомъ; ея мать была племянницею Кутузова-Смоленскаго. „Воспоминанія" Е. М. служатъ отчасти ея автобіографіею въ короткій, но памятный періодъ нашей исторіи. Въ концѣ 70-хъ годовъ, во время восточной войны, она, будучи уже 65 лѣтъ отъ роду, приняла начальство надъ отрядами Краснаго Креста на Кавказѣ. Ек. М. скончалась въ августѣ 1894 г., 82-хъ лѣтъ; за двѣ недѣли до смерти она могла еще работать въ сельской больницѣ, устроенной ею и ею же руководимой. Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной, по своей необыкновенной энергіи, личности, посвятившей свою жизнь на служеніе страдающему человѣчеству.—*Ред.*

нѣмка, такъ какъ знаніе нѣмецкаго языка было тамъ необходимо,—очень часто туда попадались нѣмцы. Съ ней была сестра Башмакова, очень религіозная сестра; ее очень полюбила Ек. Ал. Хитрово.

Не въ эту зиму, а нѣсколько позднѣе, сестры поступили и въ дѣтскую Елизаветинскую больницу, которой тоже завѣдывала великая княгиня. Тамъ жила сестра Татьяна Орѣхова. Сначала къ ней ходили поочередно дежурить сестры, но потомъ мы увидали, что съ дѣтьми, и особливо такими маленькими, намъ невозможно справиться,—надо, чтобы они привыкли и къ рѣчи, и къ лицу той, которая даетъ имъ лекарства или перевязываетъ ихъ.

Вотъ такъ проходилъ второй годъ; мы только письменно сносились съ великой княгиней, что̀ было очень тяжело. Отвѣтъ и рѣшеніе приходили тогда, когда уже обстоятельства совсѣмъ перемѣнились и требовали другого рѣшенія.

Въ этотъ годъ сестры и входили, и выходили изъ общины. Были, разумѣется, и разныя мелкія непріятности, неизбѣжныя въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сошлись люди совершенно разнаго воспитанія и которые на многое смотрѣли совершенно разно. Были больныя, но не опасно. Только одна несчастная Праведникова была въ ужасно страдательномъ положеніи, такъ что она совершенно не могла разогнуться и долго съ терпѣніемъ переносила свои муки.

Собственно въ общинѣ ни одна не умерла за все время, что̀ мы жили въ этомъ домѣ. Только въ Кронштадтѣ умерла сестра Додованникова, молодая дѣвушка; она умерла съ большой твердостью, причащалась, соборовалась, и когда сестры пришли отъ свѣтлой заутрени, похристосовалась со всѣми и скончалась.

Въ 1858 году пасха была 23-го марта, и я могла въ Кронштадтъ ѣхать очень спокойно по льду, и очень была рада, что могла навѣстить сестеръ. Еще прежде этого, я помню, что ѣздила, кажется, въ посту, въ Кронштадтъ съ І. Л. Янышевымъ. Помню, что когда мы съ нимъ ѣхали, онъ мнѣ сказалъ, что оставитъ насъ, такъ какъ очень желаетъ опять быть гдѣ-нибудь въ чужихъ краяхъ.

Онъ служилъ обѣдню въ кронштадтской госпитальной церкви и, несмотря на то, что уже собирался насъ оставить, сказалъ прекрасную проповѣдь, обращенную къ сестрамъ.

Э. Ѳ. Раденъ знала прежде объ его желаніи попасть въ Берлинъ, но она молчала и все надѣялась, что разныя предложенія великой княгини удержатъ его. Но его ничто не удер-

жало, и въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ уѣхалъ. Видно, что онѣ были очень поражены этимъ отъѣздомъ.

M-lle Раденъ мнѣ писала: „Le départ du père Янышевъ est une vraie calamité“. Потомъ къ намъ сталъ ѣздить протоіерей Палисадовъ, для чтеній и духовныхъ наставленій. На эти чтенія почти всегда пріѣзжала Татьяна Борисовна Потемкина, какъ grande admîratrice его. Онъ читалъ очень живо и одушевленно.

Хотя это и не очень идетъ къ моей общей рѣчи, но не могу не упомянуть, какъ любезенъ былъ къ сестрамъ Александръ Ивановичъ Ивановъ. Онъ пріѣхалъ въ іюнѣ въ Петербургъ со своей картиной. Не знаю, по какой связи онъ сейчасъ же былъ у Тарасова. Мнѣ кажется, его картина была выставлена во дворцѣ и показывалась въ извѣстные дни и часы. Я сейчасъ же поѣхала ее посмотрѣть и познакомилась съ нимъ. Онъ зналъ мою старшую сестру, которая тоже занималась живописью въ Италіи, и сталъ мнѣ говорить, зачѣмъ я не привезла и всѣхъ сестеръ посмотрѣть его картину. Я ему сказала, что такъ какъ половина сестеръ на дежурствѣ, то имъ можетъ показаться обиднымъ, что однѣ видѣли, а другія нѣтъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что для сестеръ онъ два дня сряду будетъ показывать свою картину.

Какъ же не воспользоваться такимъ милымъ предложеніемъ? Но я всякій разъ ѣхала со страхомъ, зная, что для многихъ сестеръ это совершенно неизвѣстный предметъ, и боялась разныхъ неловкостей. Но, слава Богу, все сошло благополучно, и я отъ души его благодарила.

Но мы, къ несчастью, со своей стороны оказали ему грустную услугу, когда онъ, совершенно одинокій, занемогъ холерой на маленькой квартирѣ живописца Боткина; сестры постоянно были при немъ. Нашъ докторъ, сестра Е. П. Карцева и я, мы тоже часто тамъ бывали. 3-го іюля онъ скончался. Живо помню, какъ изъ академической церкви мы провожали его пѣшкомъ до женскаго монастыря, гдѣ онъ похороненъ.

Желая привести одно письмо Николая Ивановича Пирогова, въ которомъ онъ мнѣ отвѣчаетъ на много общихъ вопросовъ, касающихся устройства общины, и которые у насъ должны были être discutées, какъ только пріѣдетъ великая княгиня,—я должна привести для ясности и нѣсколько отрывковъ изъ моего письма, чтобы лучше объяснить, на что̀ онъ мнѣ отвѣчаетъ.

Всю зиму І. Л. Янышевъ охлаждалъ во мнѣ понемногу мою пылкую энергію, всю надежду быть полезной, отрицалъ возможность устройства общины и т. п.

Это все я подробно пишу Николаю Ивановичу и потомъ прибавляю:

„Передъ отъѣздомъ у насъ былъ съ нимъ большой разговоръ: онъ мнѣ сказалъ, что я веду все не къ добру! Признайтесь—это ужасно слышать. Вы знаете меня, Николай Ивановичъ. Чужія слова на меня бы еще не много подѣйствовали, несмотря даже на то, что это слова человѣка очень умнаго и который имѣетъ большую репутацію. Но когда эти слова приходятъ въ подкрѣпленіе моихъ собственныхъ мыслей, тогда они удостовѣряютъ меня еще болѣе въ томъ, что̀ уже нѣсколько времени составляетъ мое мученіе...

„Извините, что вмѣсто того, чтобы предлагать вамъ прямо *вопросы*, на которые прошу разрѣшенія, я не могла не написать вамъ всего, что̀ чувствую, да и это вамъ пояснитъ мой *первый вопросъ*. Я думаю, что долгъ чести требуетъ, чтобы я, по пріѣздѣ ея высочества, рѣшительно отказалась отъ общины. Но, съ другой стороны, я не вижу, кто можетъ меня замѣнить. Развѣ она рѣшится взять какую-нибудь даму изъ святошъ прямо въ начальницы. *Второй вопросъ*: хорошо ли это будетъ? Мнѣ кажется, что это прямо подкопаетъ фундаментально основы общины. Но признайтесь, что мнѣ даже нельзя будетъ возражать противъ этого. Что̀ вы думаете? Напишите объ этомъ ваше *рѣшительное мнѣніе*. *Третій вопросъ:* могутъ ли быть у насъ въ общинѣ лютеранки и католички? Я еще сама себѣ не рѣшила окончательно этотъ вопросъ. Мнѣ кажется—могутъ“ (Я не знаю, какъ теперь рѣшенъ этотъ вопросъ и принимаютъ ли въ сестры лютеранокъ и католичекъ, т.-е. именно въ общину, потому что въ военное время въ сестры Краснаго Креста принимали всѣхъ исповѣданій. Тогда я ждала, что у насъ объ этомъ будутъ много судить, и я настойчиво спрашиваю въ своемъ письмѣ мнѣнія объ этомъ Николая Ивановича).

„*Четвертый вопросъ*: l'ordre de la journée“.

Я кончаю, умоляя его написать его мнѣніе и наставленіе насчетъ четырехъ пунктовъ.

Написавъ все это, для объясненія письма Николая Ивановича, привожу теперь весь его отвѣтъ вполнѣ:

„Одесса. 5 августа, 1857 г.

„Почтеннѣйшая Екатерина Михайловна.

„*На первый* вашъ вопросъ я уже, кажется, нѣсколько разъ вамъ отвѣчалъ: если отъ общины и ея настоятельницы будутъ требовать того, что̀, по вашимъ глубокимъ убѣжденіямъ, невоз-

можно исполнить, или того, что̀ противно идеѣ, составленной вами объ устройствѣ и обязанностяхъ учрежденія,—то откажитесь.

„Мнѣ, какъ я думаю, хорошо извѣстны и ваши хорошія качества, и ваши недостатки (у кого ихъ нѣтъ); но я никого другого не знаю, кому бы можно поручить нравственное и служебное завѣдываніе общиной. Если же бы нашлось другое лицо, которое по вашему убѣжденію, или по убѣжденію высшаго начальства общины, можетъ лучше вашего устроить ее на будущее время и дать ей болѣе прочное жизненное начало, то передайте съ радостью этому лицу ваши права.

„У васъ будетъ довольно для этого и самоотверженія, и благородства души, и безпристрастія, и истинной любви къ начатому дѣлу. Я знаю очень хорошо, что вы не можете сообщить общинѣ характеръ *формально-религіознаго* учрежденія; но вашимъ примѣромъ дѣйствій и вашей любовью къ дѣлу вы можете, конечно при благопріятныхъ условіяхъ, сообщить ей *извѣстный нравственный характеръ*. Итакъ, если великой княгинѣ угодно будетъ сдѣлать изъ общины *религіозный орденъ*, то вы наврядъ ли успѣете способствовать къ достиженію этой цѣли; но ваша честность, прямодушіе, усердіе къ дѣлу и опытность болѣе чѣмъ достаточны придать *истинно-нравственный* характеръ учрежденію, если захотятъ ограничиться только такимъ направленіемъ именно.

„На *второй* вопросъ отвѣчаю: *да. Настоятельницей въ настоящее время* можетъ быть избрано и лицо, не находившееся до сихъ поръ въ общинѣ, а постороннее. На будущее же время, еслибы удалось общинѣ укрѣпиться и духомъ, и тѣломъ, выборъ, по моему мнѣнію, долженъ бы быть непремѣнно ограниченъ, и кандидатки должны бы быть избираемы изъ среды общины.

„Теперь же очевидно, что terrain общины еще недостаточно разработанъ для того, чтобы доставлять матеріалъ, необходимый для образованія *настоятельницы* (вы употребили слово *начальницы*, которое, какъ вы знаете, я и Екат. Алекс. Хитрово вычеркнули изъ прежняго статута общины).

„*Третій вопросъ*—о протестантизмѣ и католицизмѣ—тогда только можетъ быть рѣшенъ положительно, когда окончательно рѣшатъ, какое *направленіе*, или какой *характеръ* долженъ быть данъ общинѣ. Если *религіозно-орденскій*, то, конечно, должны быть принимаемы однѣ православныя; если же чисто *нравственно-филантропическій*, то странно бы было ограничивать выборъ однѣми православными. Я что-то сомнѣваюсь, чтобы у насъ и

въ наше время можно было съ успѣхомъ сдѣлать изъ общины *религіозный орденъ.* Во-первыхъ, наше православіе какъ-то худо клеится съ орденскими учрежденіями; оно не довольно самостоятельно для этого; во-вторыхъ, вообще въ наше время нельзя учредить хорошо того, что̀ такъ хорошо учреждалось въ средніе вѣка или за три-четыре столѣтія до насъ. Впрочемъ, еслибы уже пошло на то, чтобы дать общинѣ *орденскій характеръ*, то, мнѣ кажется, удобнѣе бы было опредѣлить для этой цѣли одинъ изъ *женскихъ монастырей.* Иначе, какъ вы хотите временно посвятившихъ себя служенію больнымъ сдѣлать истинными и ревностными членами религіозно-орденскаго учрежденія?

„Во всякомъ случаѣ при этомъ направленіи непремѣнно нужно будетъ требовать, чтобы сестры оставались *навсегда* сестрами, будутъ ли онѣ монахини, или нѣтъ.

„Наконецъ то же самое должно сказать и о четвертомъ вопросѣ (l'ordre de la journée).

„При орденскомъ направленіи общины необходимо самое точное распредѣленіе времени какъ служебнаго, такъ и внѣ-служебнаго. Вся жизнь вступившихъ въ орденъ должна идти по ниточкѣ; другое дѣло, если община останется только чисто *нравственнымъ филантропическимъ* учрежденіемъ; въ этомъ случаѣ я не вижу необходимости слишкомъ вмѣшиваться во внѣ-служебное время сестеръ; это было бы ни къ чему не ведущее насиліе личности; достаточно, если настоятельница будетъ вполнѣ убѣждена, черезъ точное наблюденіе, что внѣ-служебное время употребляется сестрами съ хорошею цѣлью и прилично ихъ званію.

Итакъ, вы видите, что по моему мнѣнію все зависитъ отъ того, какъ рѣшится коренной вопросъ о *характерѣ общины.* Я самъ клонюсь болѣе на сторону *нравственно-филантропическаго направленія*, и думаю, что оно болѣе соотвѣтствуетъ духу и потребности нашего времени. Впрочемъ, не мнѣ рѣшать, что̀ у насъ должно взять верхъ: Евангеліе во всей его чистотѣ, или номоканонъ, четіи-миней и молитвенникъ. Да пріидетъ царствіе Твое и да будетъ воля Твоя!

„Вамъ навсегда и всегда преданный, васъ искренно уважающій —Н. Пироговъ".

„Прочтите это письмо и В. И. Поклонитесь ему отъ меня отъ души; я ему скоро также надѣюсь написать. Жена васъ отъ души обнимаетъ".

Въ половинѣ сентября 1858 года, послѣ двухъ лѣтъ отсут-

ствія, вернулась великая княгиня въ Петербургъ. Очень отрадно было думать, что наша безконечная и часто очень неудовлетворительная корреспонденція кончена. А то — часто мы такъ получали отвѣтъ, что приходилось, ради перемѣны обстоятельствъ, не довольствоваться этимъ отвѣтомъ и просить и ждать опять новаго.

Но прошло три-четыре дня, и намъ ничего не присылали сказать о пріѣздѣ. Это меня очень безпокоило. Но вдругъ, когда мы этого совсѣмъ не ожидали, великая княгиня пріѣхала сама съ Э. Ѳ. Раденъ. Не знаю, можетъ быть, мнѣ такъ показалось, но я нашла что-то холодное и оффиціальное въ великой княгинѣ, и даже въ m-lle Раденъ, точно она совсѣмъ охладѣла къ этому дѣлу.

И я опять писала длинное, предлинное письмо къ Николаю Ивановичу, подробно описывала ему наше положеніе, недостатокъ хорошихъ истинныхъ сестеръ, которыя бы входили въ общину изъ любви къ дѣлу, изъ самоотверженія, а не для насущнаго хлѣба. Но пишу тоже, что у меня по временамъ мелькаетъ утѣшительная мысль, что можетъ быть наше шаткое положеніе есть результатъ отсутствія религіозной власти; у насъ нѣтъ священника, нѣтъ госпиталя, нѣтъ дома. „Не можетъ же такое заведеніе кочевать изъ одного наемнаго дома въ другой, а вы не можете себѣ представить, какое ненормальное состояніе души, quand tout ce qui nous entoure est précaire [1]), начиная отъ денегъ на башмаки сестеръ—до церкви, гдѣ совершаются таинства. Такъ что и придя въ нашу походную церковь, гдѣ всякое воскресенье служатъ разные священники изъ прихода,—не успокоиваешься, а думаешь, что и этого мы можемъ лишиться... Вы сами мнѣ разъ писали, что госпиталь при общинѣ необходимъ, чтобы въ немъ приготовлялись и привыкали сестры.

„Но вѣдь все это будетъ стоить очень дорого, а если я нахожу, что все идетъ нехорошо, то имѣю ли я по совѣсти право настаивать на этомъ? Поможетъ ли это нашему дѣлу? Будьте моей совѣстью“!

Я очень долго писала это письмо, такъ какъ въ это время были у меня разныя треволненія, разговоры, переговоры, наговоры—все это я сообщала Н. И. Пирогову.

„Изъ всего этого я заключила, что великой княгинѣ надоѣло это дѣло, что она хочетъ какъ-нибудь съ нами развязаться и передать общину. И вчера я просто спросила ее, и

[1]) Когда все, что́ насъ окружаетъ, непрочно.

она мнѣ отвѣчала:—Mais comment est-ce que vous pouvez penser que j'abandonnerai mon oeuvre!—Je lui ai répondu:—Mais, Votre Altesse, il va encore tant d'imperfections dans l'община que j'ai pensé que cela vous a déjà lassé.—Elle m'a repondu que nous sommes encore meilleures qu' on ne pouvait l'espérer, que je la connais bien peu pour avoir pu penser que les difficultés la découragent, que pour elle, si elle a commencé, elle continue. (Какъ вы могли думать, что я брошу свое дѣло! Я ей отвѣчала: —Но, ваше высочество, въ общинѣ столько еще несовершенствъ, что я подумала, что она уже вамъ наскучила". Она отвѣчала мнѣ, что мы лучше, чѣмъ можно было надѣяться, и я мало ее знаю, если могла подумать, что трудности ее обезкураживаютъ; что касается до нея, то разъ она начала что̀, она продолжаетъ.) Это все—отрывки изъ моего письма къ Николаю Ивановичу.

Послѣ этого разговора у насъ все пошло спокойнѣе и пріятнѣе, хотя и было много интригъ и много хожденій по всѣмъ заднимъ лѣстницамъ дворца. Являлись и лично, и писались письма, но великая княгиня не обращала никакого вниманія. Да и надо правду сказать, главное—преобладали въ нихъ не злость и клевета, а пошлость и глупость.

И въ эту зиму и весну я часто видала великую княгиню и могла о всемъ спокойно переговорить. Много говорили и о помощи бѣднымъ; сестра В. И. Щедрина была назначена на это дѣло. Много читали и разсуждали о разныхъ уставахъ и запискахъ объ общинахъ, и католическихъ, и протестантскихъ, которыя были получены великой княгиней еще въ чужихъ краяхъ. Иныя мнѣ были присланы, иныя только тутъ переданы. Принялись еще усерднѣе искать домъ для покупки, и на наше счастье домъ Доста, гдѣ было сначала ортопедическое заведеніе, сталъ продаваться. Этотъ домъ былъ самый подходящій для насъ: въ два этажа, съ мезониномъ, съ большой особенной залой, которая точно готовилась для церкви, хотя я знаю, что она была первоначально строена какъ бальная зала, съ амурами и геніями на потолкахъ. Садъ, большое мѣсто, и такъ же на Фонтанкѣ, близъ нашихъ госпиталей. Но мнѣ нечего его описывать, это—тотъ домъ, въ которомъ и теперь находится община. Разумѣется, послѣ столькихъ лѣтъ тамъ много передѣлано, прибавлено, но и тогда этотъ домъ былъ очень для насъ хорошъ.

Пошли переговоры, толки, торги. Помню, какъ разъ я и Вас. Ив. Тарасовъ сидѣли съ Достомъ и толковали о томъ, что онъ дорого проситъ, долженъ уступить. Меня вызвали, и я ушла. Достъ сталъ уговаривать Вас. Ив. устроить ему такъ, чтобы

дали ему дороже, а тогда онъ съ удовольствіемъ дастъ ему самому тысячу рублей. Вотъ какъ дѣла дѣлаются въ Петербургѣ!

Но въ этотъ разъ онъ ошибся,—не на такого напалъ. Вас. Иван. такъ былъ преданъ общинѣ, что готовъ былъ свое отдать, а ужъ никакъ не пользоваться чѣмъ-нибудь ей во вредъ. Покупка дома была окончательно рѣшена, но не помню, отчего именно, отъ починокъ ли, или отъ чего другого,—хотя все рѣшилось весной 1859 года,—мы не могли перейти въ него прежде іюля.

Въ маѣ великая княгиня переѣхала въ Ораніенбаумъ. По ея желанію, для больныхъ сестеръ былъ нанятъ домикъ въ деревнѣ Вѣнки, верстъ за пять отъ Ораніенбаума, мѣсто очень высокое, воздухъ хорошій, но много неудобствъ и для провизіи, и оттого, что тамъ какъ-то постоянно былъ вѣтеръ, холодно и продувалъ домикъ, такъ что въ половинѣ августа мы должны были перевезти сестеръ ниже, въ Ораніенбаумъ.

Въ томъ же маѣ великая княгиня ѣздила изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Я была тамъ. Эффектъ этого посѣщенія былъ прекрасный и на сестеръ, и на кронштадтское начальство. Я помню, какъ адмиралъ Новосильцевъ, который былъ тогда главнымъ лицомъ, очень былъ недоволенъ, когда я ему послала сказать, что великая княгиня сейчасъ пріѣдетъ сюда, и сказалъ мнѣ, проводивъ ее:

— А надо сказать правду, она очень любезна и мила.

Великая княгиня обошла весь огромный кронштадтскій госпиталь, была и въ оборонительной казармѣ, гдѣ тогда были отдѣленія для чернорабочихъ и женщинъ, потомъ—въ домѣ сестеръ; всѣ были отъ нея въ восторгѣ. Она была такъ мила и внимательна, что даже и на меня это подѣйствовало успокоительно.

Живо помню, какъ мы провожали великую княгиню въ чужіе края, какъ до завтрака мы катались съ ней въ коляскѣ по красивымъ садамъ Ораніенбаума, а когда вернулись, былъ молебенъ о путешествующихъ. А потомъ проводили ее на пароходъ.

Въ концѣ іюня, когда я ночевала у больныхъ сестеръ въ Вѣнкахъ, вдругъ рано утромъ я получила записку изъ Петербурга, гдѣ было сказано, что надо, чтобъ я сейчасъ вернулась въ Петербургъ, что есть нужное письмо и телеграмма отъ великой княгини.

Я сейчасъ поѣхала въ Петергофъ, къ счастью застала пароходъ, на которомъ и пріѣхала въ Петербургъ. Я нашла письмо отъ Эд. Ѳед. Раденъ. Она мнѣ писала 16-го, что великая княгиня желаетъ, чтобы я 27-го, въ субботу, отправилась на пароходѣ

въ Берлинъ, а потомъ въ Парижъ; великая княгиня устроила такъ, что мнѣ удобно будетъ видѣть заведеніе діакониссъ и сестеръ и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ. Эдита Ѳедоровна должна будетъ пріѣхать ко мнѣ въ Берлинъ. Онѣ разсчитывали, что я получу это письмо раньше и успѣю собраться, но я получила его только 26-го—и то за Ораніенбаумомъ, въ Вѣнкахъ.

Какъ мнѣ ни было трудно, потому что мнѣ надо было похлопотать даже и о своемъ туалетѣ, которымъ я очень неглижировала, но я рѣшила, что уѣду на другой же день. И, просидѣвъ всю ночь, чтобы привести въ порядокъ свои счета и письменныя дѣла, съ двоюроднымъ братомъ, который мнѣ помогалъ, я только въ субботу 27-го, когда простилась съ сестрами и родными, провожавшими меня до Кронштадта, и очутилась на большомъ пароходѣ, и мы стали удаляться отъ Кронштадта, тогда только я опомнилась отъ всей этой суеты и спѣха.

Я не скажу, чтобы я была совершенно недовольна этой поѣздкой. Напротивъ того, меня очень интересовало все то, что̀ я должна была увидать, да и сама поѣздка занимала меня, но она пришлась мнѣ не ко времени. Во-первыхъ, въ это время пріѣхала въ Петербургъ съ сыновьями больная тетушка, чтобы посовѣтоваться съ докторами, и наняла квартиру въ нашемъ же переулкѣ. А во-вторыхъ, и это главное, сестры должны были безъ меня переходить въ *свой* новый домъ. Но что̀ же дѣлать! И я поѣхала.

Я не стану подробно описывать моего путешествія. Разскажу все вкратцѣ. Но главное, мнѣ надо разсказать о впечатлѣніи, произведенномъ на меня всѣми заведеніями, которыя я видѣла,—это и было цѣлью моей поѣздки.

Меня проводили до Кронштадта, гдѣ съ небольшого парохода надо пересѣсть на другой, и родныя, и нѣкоторыя крестовоздвиженскія сестры, и нашъ докторъ. И тутъ же еще до Кронштадта Василій Ивановичъ познакомилъ меня съ Василіемъ Петровичемъ Боткинымъ, который былъ тоже давно знакомъ съ моими двоюродными братьями и сестрами. Я очень была благодарна Вас. Петр. за его вниманіе ко мнѣ.

Когда мы пріѣхали въ Берлинъ, онъ меня проводилъ въ Hôtel Royal, гдѣ мнѣ было назначено остановиться, доставилъ мнѣ мои вещи, и, что̀ было мнѣ всего пріятнѣе, на другой день утромъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобъ сопровождать меня въ берлинскій музей. Лучшаго чичероне нельзя было и желать. И я провела тамъ цѣлое утро очень спокойно и пріятно. И это не было, какъ я называю всякое отступленіе отъ обязанностей сестры,

crime de lèse-charité, потому что я рѣшительно не знала, что̀ мнѣ дѣлать и къ кому обратиться.

На другой день вернулся Абаза, который былъ въ отсутствіи, и сказалъ, что надо телеграфировать великой княгинѣ, которая была въ Мейнингенѣ. Въ отвѣтъ я получила телеграмму, въ которой было сказано, чтобы я отыскала въ Берлинѣ доктора Каде и съ нимъ бы ѣхала въ „Виѳанію" (Bethanie), такъ называется домъ діакониссъ, устроенный королевой Августой, нынѣ (1858 г.) вдовствующей императрицей.

Положеніе мое было критическое, да и нѣсколько комическое. Абаза опять уѣхалъ, адреса Каде я не знала, городъ для меня новый, неизвѣстный, да и къ тому же нѣмецкій, а я по-нѣмецки не знаю. Но надо его отыскать. Пошла я въ наше посольство; тамъ только застала двухъ нѣмцевъ, ничего отъ нихъ не добилась, отправилась въ полицію, и тамъ, посредствомъ смѣшенія разныхъ языковъ, добилась-таки адреса русскаго доктора Каде. Сейчасъ же поѣхала къ нему. Я его знала въ Севастополѣ, но онъ очень удивился, увидавъ меня на своей квартирѣ въ Берлинѣ. На другой день мы поѣхали съ нимъ въ Bethanie.

Намъ показали все заведеніе, но, къ моей великой досадѣ, пріорши, графини Штернбергъ, не было. Она уѣхала на морскія купанья; и при нашемъ посѣщеніи съ Каде мы не застали пастора, который здѣсь главное лицо; онѣ—его помощницы. Однако, несмотря на это, я могла на другой же день туда переѣхать, такъ какъ объ этомъ уже было переговорено съ великой княгиней. Да и здѣсь это очень удобно и хорошо устроено, потому что даже въ ихъ статутѣ есть постановленіе, что кто желаетъ остаться здѣсь нѣкоторое время и посмотрѣть, что̀ здѣсь дѣлается, on paye seulement sa pension.

Итакъ, 4-го іюля я переѣхала одна. Раденъ пріѣхала на другой день, и мы съ ней прожили въ Diaconesses Haus Bethanie четыре дня.

Что̀ же сказать объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ великолѣпнымъ, богато и прочно устроенномъ заведеніи? Первое (какъ я писала тогда сестрѣ)—большая прочность. Все выстроено для одной цѣли, выстроено грандіозно, широкой рукой. Церковь большая, красивая; садъ и огородъ. Все отъ самаго большого до самаго малаго приспособлено къ одной цѣли. Аккуратность и чистота во всемъ отличныя. Но я помню, что на меня точно повѣяло холодомъ. Діакониссы очень аккуратныя, очень привѣтливыя, но почти всѣ очень молодыя; видно, что неопытныя; онѣ могутъ при строгой дисциплинѣ

прекрасно исполнять и свои мелкія обязанности, и серьезно заняться чищеніемъ мѣдныхъ ручекъ и половъ. Но это не тѣ сестры, о которыхъ мы мечтали,—о сестрахъ утѣшительницахъ больныхъ, ходатайницахъ за нихъ, сестрахъ, вносящихъ въ чужіе госпитали горячія чувства любви и участія, правду и добросовѣстность!

Для этого высокаго занятія не сформируешь сестеръ чисткой половъ и замко̀въ. Но чѣмъ же? Какъ же? Эти мысли меня все болѣе и болѣе волновали. Много я говорила съ пасторомъ обо всемъ, что̀ касается направленія сестеръ. Наши мечты онъ, какъ мнѣ кажется, считалъ совершенно неисполнимыми. Онъ также противъ смѣшенія всѣхъ вѣроисповѣданій, и еще онъ мнѣ сказалъ, что самое лучшее, когда поступаютъ молодыя деревенскія дѣвушки; что хотя онѣ бываютъ очень грубы, но религіозное развитіе очень скоро въ нихъ совершается; самыя худшія—это городскія служанки, которыя всегда остаются „atrocement vulgaires“. Изъ этого можно заключить, что изъ другихъ классовъ входятъ очень мало par vocation, а эти—изъ нужды. И они стали даже избѣгать вдовъ, потому что онѣ слишкомъ уже самостоятельны.

Всякій день ходитъ къ больнымъ дѣтямъ учитель и учитъ тоже испытуемыхъ; докторъ учитъ два раза въ недѣлю, а пасторъ —всякій день. А по вечерамъ онъ садился за фортепіано, и возлѣ него становилось нѣсколько діакониссъ.

Помню одинъ вечеръ. Это было въ ихъ столовой, внизу подъ сводами, въ готическомъ стилѣ. Заходящее солнце такъ красиво и живописно освѣщало розовымъ свѣтомъ и залу, и поющихъ; торжественный напѣвъ ихъ голосовъ — все это такъ сильно и отрадно дѣйствовало на меня...

Но я оглянулась на ряды сидящихъ сзади меня діакониссъ и испытуемыхъ, — и блескъ спицъ, быстро двигающихся въ ихъ рукахъ, какъ-то вдругъ уничтожилъ мое религіозно-поэтическое настроеніе. Я признаюсь, что это глупо, но это вязанье чулокъ повѣяло на меня всей прозой и пошлостью обыденной жизни.

Однако, хотя это и протестантская община, но въ ней тоже сильное религіозное направленіе. И утромъ, и вечеромъ—общая молитва въ церкви, и даже мнѣ говорили, что діакониссы причащаются почти каждый мѣсяцъ.

Еще вспомнила, что пасторъ былъ противъ избранія начальницы. Вотъ его собственныя слова: „La supérieure doit-être nommée d'en haut; on ne peut se choisir un chef, c'est une mère, et c'est Dieu qui nous donne une mère“ (Настоятельница должна

быть назначена свыше; нельзя себѣ избрать начальника, это мать, а мать дается намъ Богомъ).—Но вѣдь тутъ не Богъ, а король назначаетъ.

Что̀ же сказать о службѣ сестеръ у больныхъ? Можно сказать, что то же, что̀ и вездѣ: и тѣ же недостатки, и тѣ же качества. Тщательно, прекрасно перевязываютъ, но иногда сдѣлаютъ ту же ошибку, какъ и вездѣ: отъ дурной язвы перейдутъ къ чистой, не умывши рукъ, или оставятъ валяться грязный компрессъ. Я вѣдь постоянно ходила съ ними на перевязку. А разъ я была очень поражена: въ особой комнатѣ лежалъ умирающій больной,—гангрена и піэмія; при немъ сидѣлъ служитель, а діаконисса въ другой комнатѣ чистила мѣдный замокъ! Такъ бы я ихъ и перемѣнила; да и вообще я находила, что онѣ очень холодно относятся къ больнымъ; и ихъ одѣянье, черное платье, очень маленькая пелериночка, бѣлые передники съ нагрудникомъ, кисейные съ мушками чепчики съ тюлевымъ рюшемъ, придаютъ имъ скорѣй видъ субретокъ, чѣмъ служительницъ страждущимъ. Да и ихъ очень много. Такъ что я нахожу, что имъ мало дѣла; больныхъ при мнѣ было 217 челов., а діакониссъ и испытуемыхъ 60. Это очень хорошо тѣмъ, что онѣ очень хорошо видятъ, что не заведеніе въ нихъ нуждается, а онѣ въ немъ.

Счеты и всѣ записыванія, приходы и расходы, которыхъ очень много, такъ какъ есть комнаты съ платой и абонементы для рабочихъ, и фабрикъ, и заводовъ,—ведутся отлично, и огромныхъ книгъ, испещренныхъ клѣтками, много. Но тутъ есть и двое чиновниковъ или секретарей,—не помню, какое ихъ названіе.

Ѣздила я тоже съ докторомъ Каде въ Charité. Это огромный госпиталь въ 3.000 человѣкъ. Въ это время было всего 1.000, такъ какъ много чинилось и поправлялось; тутъ при дѣтяхъ, помѣщеніе которыхъ мнѣ очень не понравилось, есть сестры изъ Кейзеръ-Вертъ; онѣ ухаживаютъ за дѣтьми и за сифилитическими женщинами самаго низкаго разряда. Это ужасно! Надо быть святыми, чтобы сдѣлать имъ истинное добро.

8-го, мы съ Раденъ переѣхали въ католическую общину сестеръ S-te Hedwig; но это нельзя назвать общиной; это монастырь, при которомъ больница. Ихъ основатель—S-t Charles de Baromée. La Maison-Mère—въ Нанси; тамъ онѣ послѣ довольно продолжительнаго новисіата и постригаются въ сестры; послѣ 10-ти-дневнаго молчанія, постоянной молитвы, причащенія Св. Таинствъ, онѣ произносятъ вѣчный обѣтъ.

Сюда нельзя придти отъ нужды,—тѣмъ болѣе, что испытуемыя должны внести за себя 200 талеровъ,—и не обдумавъ хорошенько своего вступленія, а для этого нужно проникнуться совершенно и покориться всѣмъ строгимъ правиламъ отреченія и покорности, которыя требуются ихъ строгимъ уставомъ.

Вотъ одна изъ надписей, которыхъ очень много на всѣхъ стѣнахъ и корридоровъ и палатъ; она совершенно характеризуетъ тотъ духъ, который ихъ направляетъ: „Tout pour Vous plaire, mon Dieu, rien pour me satisfaire“ (Все, чтобы угодить Тебѣ, Господи, ничего—чтобы удовлетворить себя).

Но мнѣ, какъ православной, стало отраднѣе и теплѣе на душѣ при частомъ изображеніи Божіей Матери, или въ прекрасной мраморной группѣ снятія со креста Спасителя, или въ одиночныхъ статуяхъ и картинахъ. Но и тутъ мое чувство русской и православной было огорчено: онѣ насъ не приглашали обѣдать съ ними, а приносили обѣдъ въ комнату, впрочемъ всегда очень хорошій, и говорили, que la règle le défend (уставъ это запрещаетъ). Разъ онѣ насъ свели въ свой дортуаръ. Онѣ всѣ въ одной комнатѣ; стоятъ два ряда кроватей, и la chère Mère, какъ онѣ называютъ старшую, съ ними вмѣстѣ. И тутъ на столѣ подъ стекломъ—не знаю, какъ и назвать, въ аршинъ или болѣе—статуя, восковое лицо, такъ что приходится прямо сказать—точно кукла, одѣтая въ бѣлое атласное платье, тюлевый вуаль и fleurs d'orangers вѣнокъ,—и это должно изображать Божію Матерь!

Я не показала сестрамъ, какъ это мнѣ не нравится. Онѣ такія милыя, такія радушныя, въ нихъ такая aménité, что нельзя ихъ не полюбить. Все у нихъ гораздо проще и тѣснѣе, чѣмъ въ Bethanie, но надо удивляться и тому, что̀ онѣ сдѣлали. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, католическое общество ихъ вызвало изъ Нанси; ихъ пріѣхало четыре. Онѣ ничего не имѣли и доставали пустые боченки, чтобы было на чемъ сидѣть. Теперь у нихъ трехъ-этажный домъ, въ которомъ больница на 200 челов., церковь, два садика, одинъ для мужчинъ, другой для женщинъ. Въ старомъ строеніи, которое здѣсь находилось, когда онѣ купили это мѣсто, находится пріютъ для мальчиковъ; они тутъ живутъ, а ходятъ учиться въ другія мѣста. Сестра, которая съ ними живетъ, говорила мнѣ, что ей много съ ними хлопотъ.

Въ этомъ же домѣ живутъ призрѣваемые ими старики и старухи. Старики кое-что работаютъ, а старушки чинятъ больничное бѣлье.

Сестры очень усердно, а главное, съ большой любовью ухаживаютъ за больными. Вотъ какъ онѣ смотрятъ на служеніе

больнымъ: когда онѣ мнѣ разсказывали l'ordre de la journée, то сказали, что—les mères et aussi la grande Supérieure de la Maison-Mère ходятъ ежедневно въ палаты больныхъ; а когда я сказала, что у начальницы много другого дѣла, она мнѣ отвѣчала, что онѣ ходятъ только утромъ, *чтобы имѣть счастіе послужить больнымъ*. Мнѣ этотъ взглядъ на уходъ за больными очень понравился. Службъ церковныхъ у нихъ три и четыре, а иногда даже пять разъ въ день; но когда сестры идутъ въ церковь, то двѣ, а если нужно, то и три остаются при больныхъ. А потомъ, когда сестры придутъ, онѣ идутъ въ церковь, читать тѣ же молитвы. Причащаются онѣ нѣсколько разъ въ недѣлю, а исповѣдываются одинъ разъ въ недѣлю, и стараются себя такъ вести, чтобы можно было причащаться и безъ исповѣди, se conserver en grâce. Итакъ, онѣ постоянно находятся въ такомъ состояніи, въ какомъ мы бываемъ, когда говѣемъ, или даже въ такомъ, въ какомъ мы бываемъ въ день исповѣди или причастія. Я у нихъ спрашивала: такое частое повтореніе не дѣлаетъ ли ихъ равнодушными къ этому? Онѣ говорятъ, что напротивъ того, on sent un désir, une ardeur de plus en plus croissante (ощущаютъ желаніе, рвеніе, которое возрастаетъ все болѣе и болѣе). У нихъ ничего нѣтъ своего, нѣтъ своей воли, чтобы что-нибудь дѣлать, даже въ свободное время. Надо спрашивать позволенія à la chère Mère. Есть часы, назначенные для молчанія.

Но онѣ говорятъ, что это-то и хорошо, что онѣ счастливы, довольны и совершенно спокойны. Нельзя ими не восхищаться, и еслибъ я была католичкой, я бы, кажется, вошла къ нимъ, но не могу понять, какъ наши православныя дамы идутъ въ католички. Я восхищалась этими сестрами, любовалась всѣми многочисленными и великолѣпными заведеніями Парижа, тоже основанными католицизмомъ, но и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ отъ всей души благодарила св. равноапостольнаго кн. Владиміра, что я—православная.

Я писала тамъ же свои замѣтки о „Виѳаніи" и о всемъ строѣ и порядкѣ этихъ заведеній. И вотъ чѣмъ я кончила то, что записывала въ домѣ св. Гедвиги: „Здѣсь душно и физически, и морально. Но что-то сердечное, простое и веселое невольно заставляетъ примириться съ этимъ безконечнымъ моленіемъ, съ этимъ подавляющимъ послушаніемъ. Но онѣ такъ легко все это выполняютъ, такъ спокойны, веселы, что это дѣйствуетъ и на другихъ.

„Прощай, мирный уголокъ! Ты не можешь не быть благословленъ Тѣмъ, чьимъ Именемъ все здѣсь дѣлается"!

Приведу кстати нѣсколько словъ изъ письма моего къ сестрѣ изъ Берлина; они дадутъ понятіе о томъ мучительномъ положеніи, въ которомъ спутывались мои мысли, обращенныя все-таки всего больше на нашу Крестовоздвиженскую Общину.

„Монастырь св. Гедвиги, это—средневѣковое начало, которое сохранилось во всей своей цѣлости и непоколебимости. Виѳанія—есть произведеніе нынѣшняго вѣка и протестантизма, прекрасная мысль, полезная, устроенная прочно, и спокойно исполняется женщинами, посвятившими себя на это служеніе; онѣ знаютъ, что это—доброе дѣло. А вѣдь дѣлать надо что-нибудь, тѣмъ болѣе тѣмъ, которымъ надо работать, чтобы жить... Итакъ, S-te Hedwig есть произведеніе экзальтированной религіи и мысли о спасеніи своей души... „Виѳанія" —можно сказать—есть произведеніе разсудка и желанія жить по-христіански съ кой-какими удобствами. Крестовоздвиженская Община—произведеніе патріотическаго чувства, стремящагося участвовать въ общемъ дѣлѣ, испытывающаго сильное сочувствіе къ столькимъ страданіямъ и готовность раздѣлить общую опасность и труды. Невольный интересъ, связанный съ войной — вотъ начало нашей общины. Что̀-жъ изъ этого выйдетъ? Не знаю, но понимаю, что надо другія начала. Но что̀? Какія? Мои мысли здѣсь еще больше спутались, чѣмъ въ Петербургѣ. Грустно, тяжело!..."

11-го, мы выѣхали изъ Берлина. Тогда въ Кёльнѣ (Cologne) не было желѣзно-дорожнаго моста черезъ Рейнъ. Для насъ это было очень кстати. Великая княгиня ночевала въ Кёльнѣ, и мы съ Эдитой Ѳедоровной могли воспользоваться этимъ часомъ, который полагается на переѣздъ въ экипажахъ, чтобы проѣхать въ Hôtel Belle-Vue, который именно достоинъ этого названія, и видѣть великую княгиню. Свиданіе наше съ ней было очень короткое, ни объ чемъ нельзя было поговорить, такъ какъ мы боялись опоздать на поѣздъ. Какъ хороша и красива была дорога! То скалы, то небольшіе туннели и потомъ хорошенькіе домики у самаго полотна дороги, даже цвѣтники на самыхъ откосахъ дороги. Не то, что наша Николаевская,—мчится какъ дикій звѣрь по мелкимъ лѣсамъ и болотамъ.

Когда мы пріѣхали въ Vervier, на французскую границу, то я такъ была рада, что понимаю все, что̀ вокругъ меня говорятъ; мнѣ даже казалось, что всѣ говорили по-русски. Я надѣялась, что мы пріѣдемъ въ Парижъ часовъ въ семь; мнѣ такъ хотѣлось видѣть его въ полномъ вечернемъ освѣщеніи. Но къ моей досадѣ какой-то несчастный поѣздъ съ каменнымъ углемъ сошелъ съ рельсовъ. И такъ досадно! Пройди онъ еще нѣсколько

впередъ, мы могли бы его объѣхать, а тутъ намъ пришлось стоять, телеграфировать и ждать, чтобъ насъ отвели заднимъ ходомъ до такого мѣста, гдѣ мы могли перейти на другіе рельсы.

Итакъ, мы пріѣхали въ Парижъ, когда онъ уже не блисталъ своимъ освѣщеніемъ. Наши вещи, чтобъ намъ не было безпокойства на границѣ, должны были осматриваться въ Парижѣ, и хотя насъ очень скоро и любезно отпустили, но все-таки это взяло время. Хорошо, что Ѳ. М. Дмитріевъ, который былъ въ Парижѣ, приготовилъ намъ нумеръ въ гостинницѣ, и мы могли туда прямо пріѣхать.

На другой день мы ждали отвѣта отъ Père Etienne, Supérieur des Lazaristes, которому Раденъ сейчасъ же написала: онъ одинъ могъ намъ доставить возможность видѣть la Maison-Mère des Soeurs de S-t Vincent de Paul.

Отвѣта въ это утро не дождались, а Дмитріевъ соблазнилъ насъ ѣхать въ Hôtel des Invalides, на могилу Наполеона I. Мы ходили по всему зданію, были и въ столовыхъ, и въ библіотекѣ, и на кухнѣ; тамъ 3.200 солдатъ и 170 офицеровъ. Прекрасное заведеніе. Хоть это и не шло къ цѣли моего путешествія, но для военной сестры было очень кстати.

На другой день мы тоже не имѣли отвѣта отъ Père Etienne, и я начинала бояться, что насъ никуда не пустятъ; тогда мы сами рѣшились ѣхать въ домъ лазаристовъ. Но только-что мы вышли, намъ подали записку, которая давно была готова, но Эд. Ѳед. забыла сообщить нашъ адресъ.

Насъ проводили въ rue du Bac, гдѣ домъ сестеръ очень близко отъ лазаристовъ. Насъ сейчасъ же ввели dans le parloir (пріемную), гдѣ было приготовлено очень много священническихъ и служебныхъ одѣяній (названій ихъ я не знаю), такъ какъ въ этотъ день была l'octavie de S-t Vincent, и въ церкви сестеръ будутъ служить лазаристы, а въ церкви лазаристовъ намъ сказали: son corps est exposé (выставлены его мощи). Потомъ насъ провели въ комнаты de la Supérieure и просили подождать. Проходя по галереямъ, мы видѣли, что онѣ обѣдаютъ; за обѣдомъ— чтеніе. Покуда la Mère Supérieure къ намъ не пришла, къ намъ приходили то одна, то двѣ сестры. Онѣ и меня разспрашивали, и сами намъ разсказывали; у нихъ въ этомъ домѣ 400 новисъ и отъ 200 до 300 сестеръ. Заведенія при домѣ никакого нѣтъ, только больница для сестеръ. Прислуги никакой нѣтъ, да и что̀ жъ бы она дѣлала? У нихъ въ день только одинъ урокъ—la religion.

Пришла la Mère Supérieure, очень привѣтливая, пожилая и серьезная; пришелъ le Père Etienne—типъ своего званія, рѣчь

спокойная и пріятная. Повели насъ въ садъ, и черезъ садъ—въ то, что онѣ называютъ le Séminaire. Тамъ, въ длинной, продолговатой залѣ, уставленной рядами скамеекъ, очень тѣсно сидѣли les novices. Онѣ въ черномъ и на головѣ тоже такой же чепчикъ, или, лучше сказать, шляпа, какъ у сестеръ, а сверху вуаль изъ чернаго гроденапля. Много хорошенькихъ и молоденькихъ.

Но это просто былъ смотръ, даже было неловко. Père Etienne попросилъ насъ взойти на маленькое возвышеніе въ одну ступеньку, и тутъ намъ объясняли, кто изъ какихъ націй, и по скольку ихъ. Онъ началъ:—Nous avons des Italiennes; que les Italiennes se lèvent! (у насъ есть итальянки; пусть итальянки встанутъ!).—И такъ вызывались всѣ націи; дошло и до Соединенныхъ-Штатовъ, и до Бразиліи. Тутъ вставало только по одной.

Для новисъ есть особенный садъ, куда онѣ и пошли; но прежде онѣ остановились передъ статуей Божіей Матери и пѣли. Потомъ намъ показали la Chapelle où on fait la retraite. Всѣ сестры должны это исполнять; вотъ въ чемъ это состоитъ: цѣлую недѣлю онѣ проводятъ въ этой церкви въ молчаніи. Только два раза въ день священникъ приходитъ ихъ назидать. Гулять онѣ могутъ, спать уходятъ къ себѣ, но всѣ эти дни постоянно молчатъ. Мы просили показать намъ весь домъ, но намъ сказали, что сегодня это невозможно, такъ какъ у нихъ большой праздникъ и службы.

Новисъ было такъ много, что онѣ въ церкви не помѣщались. Тутъ пришли затѣмъ и лазаристы. Ихъ было очень много—и много молодыхъ; на черныхъ сутанахъ ихъ бѣлыя surplis (можетъ быть, это и не такъ называется) дѣлали очень хорошій эффектъ.

Отъ нихъ мы поѣхали въ Chapelle des Lazaristes—saluer S-t Vincent. Son maître-autel—на большомъ возвышеніи, ступеней около 20-ти. Онъ лежитъ подъ стекломъ, во всемъ облаченіи; видно все очень хорошо. Я усердно помолилась ему, чтобы онъ намъ помогъ; теперь онъ не католикъ, и всѣ должны быть для него равны. У него любовь къ ближнему и милосердіе, la charité envers le prochain, были развиты въ высшей степени. Да помолитъ же онъ о насъ Господа, какъ я его молила!...

Я не знаю, каковы были сестры при св. Викентіи, когда онъ ихъ самъ устроилъ, и когда онѣ носили скромное названіе servantes des pauvres: служанки бѣдныхъ. Но теперь, это—чисто произведеніе католичества, и такія сестры возможны только при братьяхъ-лазаристахъ. Главная, основная мысль сестеръ—это пропаганда. Всякая болѣе или менѣе видитъ въ себѣ апостольское призваніе.

Вотъ что̀ мнѣ сказала la Mére Supérieure:—Oui, nous soignons le corps, mais notre premier devoir est de parler de religion (Да, мы ходимъ за тѣломъ, но нашъ первый долгъ—говорить о религіи).—У нихъ все очень строго, хотя онѣ произносятъ обѣтъ только на одинъ годъ, послѣ пяти лѣтъ de professorat (не знаю, какъ перевести это слово).

Что̀ же я себѣ могла сказать послѣ всего видѣннаго и слышаннаго? Мнѣ кажется, у насъ все это совершенно невозможно. Наша православная церковь такъ строго не требуетъ подобнаго всепоглощающаго повиновенія, да и для этого было бы необходимо католическое духовенство. И что̀ же? Я сдѣлалась спокойнѣе, хотя мнѣ было очень грустно. Я и тутъ также писала всякій вечеръ о томъ, что̀ видѣла и испытала въ этотъ день. Эти записки очень подробны и позволяютъ мнѣ теперь вспомнить все самое главное. Выписываю одно очень странное и прозаическое сравненіе, которое мнѣ тогда пришло въ голову: „Чтобъ сдѣлать фарфоръ, надо необходимо имѣть фарфоровую глину; а если имѣется только песокъ, изъ котораго можно сдѣлать только стекло, то нечего стараться дѣлать то, для чего нѣтъ нужныхъ элементовъ“...

Однако для чего же я въ Парижѣ? Изъ сестры милосердія я превращаюсь въ туристку и, что̀ еще хуже, въ свѣтскую барышню! Съ какимъ я удовольствіемъ ходила по Лувру, когда я имѣла руководителемъ Ѳ. М. Дмитріева; но я не удовольствовалась однимъ разомъ, и въ другой разъ провела тамъ цѣлое утро, войдя туда, когда только-что открыли музей, и оставалась тамъ до той минуты, когда насъ всѣхъ, хотя очень любезно, но попросили убираться вонъ.

Была тоже въ Palais du Luxembourg, чтобы видѣть картины новыхъ современныхъ художниковъ, о которыхъ много слыхала отъ сестры моей, которая жила нѣкоторое время въ Парижѣ и рисовала въ ателье́ извѣстнаго живописца Eugène Delacroix.

А для свѣтской барышни—какіе красивые магазины, какъ въ нихъ всѣ учтивы, привѣтливы, внимательны, даже тогда, когда покупаешь самыя мелочи! Разумѣется, для себя я ничего не покупала, но какъ не привезти изъ Парижа роднымъ и знакомымъ хотя какія-нибудь бездѣлушки!

Вотъ и ходишь по магазинамъ...

Но вернусь къ сестрамъ и госпиталямъ.

Прямо отъ лазаристовъ мы поѣхали разыскивать les Petites Sœurs—и съ трудомъ ихъ нашли. Какое это трогательное и симпатичное заведеніе! Онѣ живутъ какъ птицы небесныя: Богъ

далъ день, Богъ дастъ и пищу! Онѣ всякій день ходятъ за подаяніемъ; имъ даютъ и старыя платья, и остатки отъ кушаньевъ. Многія гостинницы, говорятъ, нарочно припасаютъ для нихъ. Онѣ живутъ такими подаяніями, но видно однако, что подаянія были очень велики. У нихъ теперь хорошее гнѣздышко, свой трехъ-этажный домъ, и у нихъ призрѣвается до 200 стариковъ и старушекъ; есть очень старые—80-ти и даже 90 лѣтъ, всѣ въ разныхъ платьяхъ, какія у кого есть, или какія имъ дали. У нихъ ничего нѣтъ положеннаго, а что̀ Богъ послалъ, тѣмъ онѣ и живутъ. Есть у нихъ и церковь, и при домѣ огородъ. Все чисто и опрятно, даже воздухъ хорошій, хотя старушки и старики помѣщены довольно тѣсно. Сестры въ черномъ, но платья сшиты или, лучше сказать, перешиты изъ разныхъ старыхъ платьевъ. Всѣ сестры—изъ простыхъ.

На другое утро мы съ сестрой Нарышкиной (она русская, выросла въ Парижѣ и перешла въ католичество) поѣхали въ большой военный госпиталь—Val de Grâce. Тамъ 40 сестеръ. У нихъ все особенное и своя chapelle, и parloir. Такъ какъ мы были съ сестрой изъ ихъ же общины, то насъ сейчасъ же приняли. У нихъ все мило, очень чисто.

Мы пошли въ большую церковь, выстроенную Anne d'Autriche, потомъ черезъ садъ—тутъ есть и ботаническій садъ—въ школу въ родѣ нашей фельдшерской.

Больныхъ бываетъ больше 1.000 человѣкъ, но такъ же, какъ и у насъ въ военныхъ госпиталяхъ, мало слабыхъ. Сестры завѣдуютъ всѣмъ хозяйствомъ, даже покупаютъ все нужное, кромѣ хлѣба и говядины, которые имъ ставятъ, и при пріемѣ должны быть и докторъ, и офицеръ; но это не всегда бываетъ.

Я еще въ другой разъ провела цѣлый день въ Val de Grâce, видѣла весь порядокъ дня и много съ сестрами говорила. La soeur Supérieure, которая тогда уже вернулась, была очень привѣтлива и почти весь день была со мной, водила въ ихъ дортуары. Видѣла я сестеръ и во время рекреаціи; онѣ занимались разными работами, и нѣкоторыя вышивали une aube (ризу́) очень красивую; всѣ были очень веселы и разговорчивы, но обѣдомъ, отъ котораго я долго отказывалась, онѣ все-таки кормили меня отдѣльно, несмотря на то, что говорили мнѣ: révérende Mère.

Я долго была въ кухнѣ, видѣла весь порядокъ приготовленія и раздачи, слышала отъ больныхъ тѣ же жалобы, что̀ и у насъ, что порція мала, что они голодны. Порціи у нихъ гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у насъ.

Потомъ пошла съ сестрами въ госпиталь. За главнымъ док-

торомъ онѣ не ходятъ, потому что за нимъ идетъ цѣлая толпа и докторовъ, и учениковъ. Перевязкой тоже сестры не занимаются,—это должны дѣлать ученики, и они же должны давать лекарства. Но больше лекарства даютъ сестры, такъ какъ онѣ цѣлый день въ палатахъ, и уходятъ только раза четыре или пять на молитву и обѣдъ, но и тогда остаются дежурныя. Также и ночью сестры бываютъ въ палатахъ поочередно. Сестры завѣдуютъ и бѣльемъ, и стиркой его.

Вотъ что̀ мнѣ разсказала старшая сестра: еще Louis-Philippe хотѣлъ помѣстить сестеръ въ этотъ госпиталь, такъ какъ тутъ открыли много безпорядковъ въ продовольствіи, но февральская революція этому помѣшала. И только при второй имперіи, нѣсколько мѣсяцевъ avant la guerre d'Orient, — какъ онѣ называютъ нашу крымскую кампанію,—онѣ сюда поступили (въ морскихъ госпиталяхъ онѣ давно уже были). Когда онѣ пріѣхали, никто ихъ не встрѣтилъ, на нихъ не глядѣли, и онѣ слышали, какъ говорили aux infirmiers (родъ больничныхъ служителей): „Не надо слушать женщинъ"! Дошло до того, что поддѣлали фальшивые ключи, и у нихъ стало исчезать вино, и тогда стали говорить: „Что̀-жъ мудренаго? Онѣ его пьютъ"...

Теперь имъ гораздо лучше, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ новый директоръ, le principal, а прежній приходилъ въ такомъ положеніи, что долженъ былъ держаться за стѣны, и такъ напуталъ дѣло, что попросился въ Италію.—Итакъ, это не у насъ однихъ бываетъ!

Нынѣшнимъ онѣ очень довольны; я его тоже тутъ видѣла; онъ хвалилъ сестеръ, и сестры его хвалили.

Все у нихъ дѣлается по звуку трубы (clairon), которая безпрестанно слышна. Я осталась до раздачи ужина, для котораго все варилось снова, а передъ этимъ долго ходила по палатамъ, слушала ихъ насмѣшки другъ надъ другомъ и надъ самими собой. Только вмѣсто „Пошехонья" говорили, ну, пожалуй, хоть—Тарасконъ. А одинъ парижанинъ, больше похожій на гамѐна, чѣмъ на солдата, дразнилъ всѣхъ и смѣялся надъ всѣми. Въ этотъ день во мнѣ опять проснулась „сестра", и это былъ для меня спокойный и пріятный день.

Мы были опять dans la Maison Mère, и осмотрѣли все—de la cave au grenier. Въ кухнѣ сестра-хозяйка очень полная; она такъ и сказала мнѣ: „que des personnes, qui font le service actif doivent être bien nourries" (лица, находящіяся на дѣйствительной службѣ, должны быть хорошо кормлены). Я съ ней согласна.

Много говорили о вступленіи, о новисіатѣ. Все у нихъ такъ умно разсчитано, съ цѣлью поглотить и изгладить всякую индивидуальность. Не знаю, добросовѣстно ли это. Вотъ что̀ мнѣ говорила одна изъ сестеръ. Привожу ея слова по-французски, какъ я ихъ тогда же записала: „Oui, quand on vient dans la Maison-Mère, cela fait un singulier effet, mais puis on est domptée, on est mâtée, et quand on s'est tout à fait soumise, que l'on n'a plus de volonté, on devient tranquille et heureuse, comme un enfant". (Да, когда придешь въ главный домъ, онъ производитъ странное впечатлѣніе; но потомъ покоришься, сдашься, а разъ совсѣмъ себя подчинишь, когда воли не остается, становишься покойна и счастлива, какъ дитя.)

А другая мнѣ говорила, что сначала она плакала отъ ихъ головного убора (cornette) и уходила къ себѣ на кровать снять хоть на минуту, а потомъ привыкала. Ихъ головной уборъ полотняный, и очень жёстко накрахмаленый.

А это говорили многія: „Хотя мы даемъ обѣтъ на одинъ годъ, но всякая думаетъ, а можетъ быть въ душѣ и обѣщаетъ, что даетъ на всю жизнь".

Ѣздили мы съ сестрой Нарышкиной въ Gros Caillot, тоже военный госпиталь. Разумѣется, тѣ же порядки. Но вотъ что̀ меня удивило: сестры постоянно въ палатахъ, но онѣ уходятъ пять разъ въ день, и тогда остается одна сестра, и ей въ помощь наемная женщина! Но онѣ находятъ, что ихъ мало. Ихъ комплектъ 20. Теперь ихъ 18, такъ какъ двѣ уѣхали. Комплектъ больныхъ 600, но есть палаты, въ которыя сестры не ходятъ; а тутъ у нихъ больныхъ было 300. Когда я изъявила удивленіе относительно наемной женщины, то сестры мнѣ сказали:

— Насъ такъ мало, а потому ночное дежурство приходилось бы слишкомъ часто; если сестра еще занеможетъ, то намъ очень затруднительно.

— Да развѣ вамъ не замѣнятъ больную сестрой изъ Maison-Mère?

— О, нѣтъ! Мы должны сами все устраивать. Nous devons nous suffire à nous mêmes.

Странно,—вѣдь ихъ такъ много. Еще что̀ меня удивило: когда я спросила, могутъ ли онѣ готовить что-нибудь особенное изъ своего для больныхъ, онѣ сказали, что для слабыхъ больныхъ могутъ, но прибавили, что дѣлаютъ это очень рѣдко, car cela fait toujours des désagréments (всегда причиняетъ непріятности). Не понимаю, отчего?

Больнымъ позволяютъ курить только въ саду. У воротъ вся-

каго военнаго госпиталя есть une cantinière, у которой больные могутъ покупать почти все.

Видѣла я больныхъ, играющихъ въ палатѣ въ карты, и спросила:

— Развѣ это позволено?

— Нѣтъ, но мы дѣлаемъ видъ, какъ будто не видимъ.

Были мы и въ домѣ, гдѣ живетъ сестра Нарышкина. Это une Maison d'arrondissement; я такъ поняла, что такіе дома должны быть во всякой части города, и они устраиваются парижскимъ муниципалитетомъ. Это очень хорошо, потому что устроено именно для нуждъ той же мѣстности.

Вотъ въ такомъ родѣ заведеніе желала устроить въ Москвѣ кн. Соф. Степ. Щербатова, когда устраивала общество дамъ-попечительницъ въ каждой части Москвы. Тогда это пошло очень живо. Всякая устраивала, что̀ могла, и богадельню, и пріютъ, и школу. Не знаю, какъ это теперь идетъ.

И здѣсь, у сестры Нарышкиной, съ которой живутъ еще сестры, все есть: и маленькая богадельня для 10-ти старушекъ, и ясли, въ которыя приносятся дѣти на день, и сироты, которыя учатся и работаютъ, и экстерны, которые приходятъ только въ школу, и аптека для раздачи лекарствъ бѣднымъ по рецептамъ. Сестры также посѣщаютъ въ квартирахъ бѣдныхъ этой части. Домъ небольшой, но все хорошо приспособлено, и нѣтъ сомнѣнія, что это истинно полезное и доброе дѣло, и исполняется совершенно добросовѣстно. Существуютъ ли въ Парижѣ еще такіе дома? Жаль, если нѣтъ.

Сестра Нарышкина намъ все очень мило показывала, и я очень жалѣла, что на другой день я не съ ней должна была ѣхать, а съ другой сестрой, въ разныя заведенія, гдѣ служатъ ихъ же сестры, а сестрѣ Нарышкиной было разрѣшено съ дѣтьми ея заведенія ѣхать за̀-городъ, такъ какъ это день ея именинъ.

Итакъ, на другой день я поѣхала одна съ сестрой Barbe. Были мы въ дѣтской больницѣ. Barbe недавно перешла къ сестрамъ S-t Vincent, да и сама больница не такъ давно устроена. Мнѣ очень она не понравилась: домъ въ 4-е этажа, но какъ-то тѣсно, не особенно чисто, или это можетъ быть оттого такъ кажется, что бѣлье поступаетъ небѣленое, и по мѣрѣ употребленія выбѣливается.

Меня очень удивило то, что въ палатахъ острыхъ болѣзней, если у ребенка вдругъ сдѣлается оспа, крупъ или скарлатина, онъ все-таки остается на своемъ мѣстѣ. Я видѣла трехъ, у которыхъ были прорѣзаны горлышки и вставлены трубочки;

у нихъ былъ крупъ. Про одну бѣдную дѣвочку сестра мнѣ сказала, указывая на нее, что у нея былъ крупъ, скарлатина, а теперь оспа. На кухнѣ сёстры смотрятъ и раздаютъ пищу, но не онѣ покупаютъ. Разсказывая про это, онѣ говорили: „Cela nous arrange beaucoup mieux, c'est bien plus commode". Бѣлье стирается и чинится въ salpêtrerie. На дворѣ садъ и хорошенькая церковь. Очень хорошія ванны и особыя ванны для приходящихъ, которыхъ бываетъ весьма много, до 100 чел. въ день. Туда сестры не ходятъ.

Потомъ были мы въ Maison Necker, hôpital civil. Это не изъ очень старыхъ, 1779 года, на 350 кроватей. Въ это время многое тамъ перестраивалось и дѣлались вентиляціи посредствомъ паровой машины. Чисто, красиво; стѣны отдѣланы не то штукатуркой, не то фальшивымъ мраморомъ, но свѣтлыя и нѣсколько даже блестящія. У сестеръ то же устройство, какъ и вездѣ, и сестры, какъ и всегда, были премилыя.

Еще посѣтили мы l'Orphelinat de l'Impératrice. Все выстроено богато и красиво. Сестры здѣсь всѣмъ завѣдуютъ, и имѣютъ sous-maîtresses для работъ. Тутъ должны воспитываться бѣдныя дѣвушки отъ 8 до 21 года. Онѣ учатся читать, писать, закону Божію, а главное—шитью. Домъ выстроенъ на 300 воспитанницъ. При моемъ посѣщеніи, ихъ было еще только 140. Церковь прекрасная; престолъ бѣлый мраморный, но надъ самымъ престоломъ картина: Божія Матерь, а надъ нею—сёстры, дѣти и императрица Евгенія, полунаклоненныя, avec le mouvement d'offrir un don à Dieu. Но — портретъ живого человѣка прямо надъ престоломъ — очень нехорошо.

Но все тутъ было такъ чисто, мирно, спокойно и цѣломудренно, и все это мнѣ такъ живо вспомнилось, когда я потомъ съ ужасомъ читала въ „Revue des deux Mondes" статью Maxime Ducamp о томъ, что̀ тутъ дѣлалось во время коммуны—ужасно!

Еще мы посѣтили богадельню на 400 стариковъ; сестры тутъ тоже всѣмъ завѣдуютъ. Въ палатахъ, гдѣ есть слабые, онѣ постоянно бываютъ, а въ другія только заходятъ посмотрѣть за порядкомъ. Сестры здѣсь, кажется, очень сжились со своими стариками; иные здѣсь по нѣскольку лѣтъ, а другіе и по нѣскольку десятилѣтій. Очень хорошо тутъ все устроено; самые слабые, или безногіе—въ нижнемъ этажѣ; у нихъ есть стулья, на которыхъ они выѣзжаютъ въ садъ, и могутъ кататься безъ посторонней помощи. Старикамъ позволяется уходить изъ богадельни всякій день отъ 7-ми час. утра до 8-ми вечера. Когда мы пріѣхали,

они собрались къ ужину. Ужинъ состоитъ изъ салата и сыра! Вотъ бы нашихъ русскихъ стариковъ такъ накормить,—я думаю, они бы взбунтовались!

Не могу не вспомнить, что въ этотъ же день, когда мы проѣзжали мимо la Sainte Chapelle, которую мнѣ очень давно хотѣлось видѣть, мы туда вошли. Ахъ, какъ она мнѣ понравилась! Что̀ за прелесть!

Вслѣдъ за нами вошелъ аббатъ; увидавъ на мнѣ крестъ и узнавъ, что я русская, онъ сейчасъ обратился ко мнѣ со словами: „Я надѣюсь, что вы уніатка"? И когда я сказала, что я православная, онъ началъ меня уговаривать повѣрить въ папу, говоря: „Priez Dieu, ma soeur, que Dieu vous accorde la foi dans notre Saint père le Pape"! (Молитесь, сестра, чтобы Богъ даровалъ вамъ вѣру въ нашего святого отца — папу!)

А когда я отвѣчала, что молиться объ этомъ не буду, онъ мнѣ жалобно сказалъ: „Que vous a donc fait notre pauvre Pape"? (Что̀ вамъ такого сдѣлалъ нашъ бѣдный папа?)

Когда мы перешли изъ S-te Chapelle въ Galerie du Palais de Justice, гдѣ расхаживали судьи, адвокаты и нотаріусы въ шапочкахъ и мантіяхъ, а со мной сестра, avec sa cornette, и вспомнились мнѣ рѣчи аббата—все это перенесло меня въ средніе вѣка. Я повернулась къ своей спутницѣ, чтобы сдѣлать замѣчаніе насчетъ аббата,—она набожно подняла глаза и руки къ небу и проговорила съ убѣжденіемъ: „Cela doit être un saint homme"! (Это долженъ быть святой человѣкъ!). Я промолчала...

Теперь мнѣ остается еще сказать только о сестрахъ Du bon Secours и объ августинкахъ. Начну съ первыхъ. Насъ позвала туда ѣхать бывшая сестра Крестовоздвиженской Общины, Рогачева, у которой была тамъ знакомая сестра Marceline.

Однако, несмотря на это, насъ не вдругъ туда впустили, и старшая сестра къ намъ не вышла, а пришла другая сестра и показала больницу для сестеръ. Очень хорошо устроена; только въ одной большой комнатѣ три кровати, а то все по одной. Сестры тоже живутъ всякая въ особенной комнатѣ. Показали намъ еще прекрасную и очень щегольскую, élégante, церковь, а потомъ мы сидѣли съ сестрой въ parloir. И вотъ что̀ я помню изъ разговора съ нею. Эта община устроена тридцать лѣтъ тому назадъ одной дамой подъ попечительствомъ (patronage) архіепископа парижскаго, отъ котораго онѣ зависятъ и который ихъ начальникъ и покровитель. Онѣ только ухаживаютъ за больными въ домахъ, куда ихъ приглашаютъ, по 5-ти фр. въ день. Если болѣзнь тяжелая и опасная, онѣ требуютъ, чтобы брали двухъ

сестеръ (но она прибавила, что иногда плата убавляется); но кромѣ того, вотъ ихъ условія: чтобы сестеръ кормили особенно, чтобы каждыя сутки онѣ имѣли шесть часовъ отдыха и свободное время прочитать всѣ назначенныя имъ молитвы, чтобы онѣ могли уходить всякій день къ обѣдни и причащаться раза два или три. La Supérieure и прочія сестры не посѣщаютъ сестеръ въ домахъ, гдѣ онѣ ходятъ за больными, но всѣ сестры должны съѣзжаться въ субботу въ общину на нѣсколько часовъ.

Разсказывая правила поступленія ихъ въ дома, она очень тривіально прибавила: „Ну, если не принимаютъ нашихъ условій,—могутъ обойтись безъ насъ“. Плата за уходъ отнимаетъ у нихъ священный характеръ сестры милосердія.

Въ новисы принимаются со взносомъ отъ 200 до 400 фр. Дѣлается исключеніе только для самыхъ способныхъ. Новисы учатся уходу за больными при больницѣ сестеръ; не думаю, чтобы онѣ могли пріобрѣсти большую опытность, такъ какъ сестеръ не очень много; ихъ менѣе 200.

Въ домѣ руководятся тѣмъ же уставомъ, какъ во всѣхъ конгрегаціяхъ: частыя молитвы, часы молчанія, причащеніе нѣсколько разъ въ недѣлю. Начальница должна избираться, но съ тѣхъ поръ, какъ онѣ устроились, у нихъ все одна и та же. Онѣ почти совсѣмъ никуда не выходятъ; ихъ не отпускаютъ даже къ больнымъ роднымъ, а если туда будутъ просить сестру, то посылаютъ чужую, а не родную!

Ужъ это слишкомъ! Это—идти противъ человѣческихъ чувствъ самыхъ натуральныхъ и законныхъ.

Я очень была рада, что намъ удалось побывать у этихъ сестеръ, и очень жалѣю, что не видала всѣхъ конгрегацій, какія есть въ Парижѣ, но это было невозможно и по времени, а главное потому, что безъ особой протекціи попасть къ нимъ невозможно. Вѣдь и къ сестрамъ Bon Secours мы попали только оттого, что у Рогачевой была тамъ знакомая.

Теперь перейду къ августинкамъ, но ихъ не называютъ сестрами, а—religieuses, монахинями. Имъ говорятъ: mère, и даже: révérende mère.

Въ Hôtel Dieu—ихъ Maison-Mère. La mère Supérieure была очень любезна; она всюду насъ сама провожала, но мы все осмотрѣли очень поверхностно, такъ какъ этотъ госпиталь интересенъ только своей древностью.

Я знаю, что онъ теперь совсѣмъ перестроенъ, но я прошу тѣхъ, которые будутъ читать эти несвязныя записки, помнить,

но и съ спокойной совѣстью убѣждаюсь, что надо нѣчто другое для общины, а поэтому надо и другую сестру-настоятельницу.

Изъ Парижа въ Остенде мы пріѣхали 24-го іюля. Великая княгиня приняла меня очень любезно. Я ей прочитала все, что̀ записывала и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ,—а написано было очень много, такъ какъ я входила во всѣ мелочи, касающіяся и сестеръ, и госпиталей (у меня было исписано кругомъ 14 листовъ большой почтовой бумаги), и сказала ей, что̀ писала къ сестрѣ, —я съ грустью убѣдилась, что не могу устроить общины въ родѣ католической, и что ей надо имѣть другую сестру-настоятельницу.

Можно спросить послѣ этого:—зачѣмъ же я оставалась ею? Да, по моему, отъ двухъ причинъ: некому было меня замѣнить, да и не было положительно рѣшено, каковъ будетъ окончательный характеръ нашей общины; вѣдь у насъ и уставъ, и правила, пока сохранялись тѣ же, что̀ и во время войны.

Я осталась на нѣсколько дней въ Остенде; всякій день обѣдала у великой княгини. Помню, какъ было хорошо, когда мы разъ обѣдали въ Pavillon Royal sur la Jetée. Погода была великолѣпная, что̀ здѣсь рѣдко бываетъ. Море было у нашихъ ногъ, и мнѣ очень хотѣлось видѣть морской приливъ.

Я и въ Остенде была въ госпиталѣ, гдѣ видѣла маленькую и совершенно своеобразную общину. Это посѣщеніе мнѣ устроилъ докторъ великой княгини, Арнетъ, который предупредилъ доктора госпиталя, и онъ меня ждалъ. Тутъ три доктора; больница небольшая, отъ 16 до 20 кроватей для мужчинъ, столько же для женщинъ; и въ богадельнѣ 12 кроватей для мужчинъ, столько же для женщинъ. Это устроено городомъ; тутъ есть совѣтъ; бургомистръ —президентъ. Вотъ какъ сестры сюда попали: лѣтъ 20 тому назадъ, нашли, что госпиталь не хорошо содержанъ par les infirmiers et les infirmières—это не прислуга, а что-то выше. И стали просить у епископа въ Bruges прислать сестеръ въ госпиталь; тогда имъ прислали трехъ сестеръ августинокъ изъ тѣхъ, которыя подвизаются или служатъ (desservent) въ большомъ и, какъ говорятъ, очень хорошемъ госпиталѣ въ Bruges. Ихъ тамъ 24; онѣ сдѣлали такое условіе, что если имъ будетъ неудобно, то онѣ могутъ уѣхать. Но онѣ остались и къ нимъ прислали еще трехъ. А когда время, положенное для опыта, прошло, то онѣ остались какъ отдѣльная община, не зависящая отъ Maison-Mère, а только имѣющая въ лицѣ епископа въ Bruges высшаго духовнаго начальника.

Онѣ все имѣютъ отъ госпиталя, — зато и все тамъ дѣ-

лаютъ: приготовляютъ пищу и для себя, и для больныхъ, стираютъ бѣлье и свое, и больничное. Онѣ могутъ принимать новисъ, но сами не могутъ быть болѣе шести. Многого нельзя было и разспросить, такъ какъ съ нами сидѣла ихъ старшая, 79 лѣтъ, у которой было нѣсколько апоплексическихъ ударовъ. Она не говоритъ, но, повидимому, все слышитъ. Какъ же было при такой дряхлой старушкѣ спросить, какъ назначается старшая, какъ замѣщается умершая? Въ разговорѣ онѣ сообщили, что и изъ ихъ новисъ могутъ быть посвящены въ монахини августинки послѣ трехъ лѣтъ испытанія. Только надо, чтобы епископъ прислалъ своего делегата для этой церемоніи.

У нихъ тѣ же частыя молитвы и обѣдня всякій день, и та же строгость монастырская—la clôture. Туалетъ ихъ престранный, совсѣмъ не такой, какъ въ Парижѣ: черная юбка, потомъ сверху une casaque бѣлаго сукна съ очень широкими рукавами, потомъ—черная, въ родѣ эпитрахили, темно-синій фартукъ, а на головѣ бѣлая coiffe, въ родѣ чепчика; на лбу—широко сложенная полоса linon baptiste, сверху накрахмаленный кусокъ холста, такъ что торчитъ по обѣ стороны головы, и все покрыто прозрачнымъ вуалемъ изъ черной шерстяной матеріи.

Престранный и пренеудобный костюмъ! Насъ онѣ встрѣтили въ полномъ парадѣ, но прямо говорили, что переодѣваются позднѣе, и пока есть дѣло, одѣты иначе, прибавляя: — Да можно ли что̀ дѣлать въ этомъ одѣяніи?

Онѣ всѣ изъ простого званія, и мнѣ очень понравились; хотя онѣ живутъ совершенно самостоятельно, но все-таки гордятся своимъ орденомъ, и когда я спросила:—А въ домѣ сиротъ тоже ваши сестры августинки?—мнѣ отвѣчали съ большимъ пренебреженіемъ:—О, нѣтъ, это какія-то новыя,—кажется, св. Іосифа.

Э. Ѳ. Раденъ осталасъ въ Остенде, а я поѣхала одна въ Берлинъ, Штеттинъ, и на пароходѣ „Владиміръ“, 4-го августа, пріѣхала въ Петербургъ.

Моя сестра, которая была весь мѣсяцъ въ деревнѣ, пріѣхала меня встрѣтить. Сестры крестовоздвиженскія встрѣтили меня такъ радушно, такъ весело, что я была очень довольна, и всѣ тяжелыя мысли, недоразумѣнія, какъ-то невольно исчезли, и я стала спокойнѣе.

Матеріальныя мелкія хлопоты при новомъ помѣщеніи, устройство въ своемъ собственномъ домѣ—все это очень развлекало и занимало.

Еще изъ Парижа я писала Николаю Ивановичу о дѣйствіи, которое произвело на меня все, что̀ я видѣла.

Сначала, за отсутствіемъ Николая Ивановича на цѣлый мѣсяцъ, мнѣ отвѣчала жена его, Александра Антоновна, милымъ и сердечнымъ письмомъ, за которое я ей была очень благодарна.

Потомъ я получила отъ Николая Ивановича, изъ Кіева, отъ 1-го сентября, письмо. Это меня ободрило, утѣшило и придало рѣшимости продолжать трудиться въ общинѣ въ предѣлахъ возможности.

Привожу это письмо.

„Кіевъ, 1 сентября 1859 г.

„Я очень благодаренъ женѣ, что она написала вамъ, почтеннѣйшая Екатерина Михайловна, вмѣсто меня, пользуясь моимъ отсутствіемъ.

„Въ письмѣ ея вы, вѣрно, это и сами замѣтили, много чувства, а слѣдовательно и правды, хотя бы и нелогической, но это все равно, лишь бы правда. Я съ моей стороны прибавлю къ ея посланію немножко и логики. Надобно брать вещи ка̀къ онѣ есть, это—первое, что̀ впрочемъ нисколько не противорѣчитъ и необходимости всякаго мыслящаго и чувствующаго человѣка—имѣть свои идеалы или брать во вниманіе и идеальную сторону дѣла. Главное,—не пересолить. Я понимаю очень хорошо, какъ вы теперь смотрите на нашу общину, побывавъ въ Берлинѣ и въ Парижѣ; такъ и нашъ братъ смотритъ на доморощенную науку, потолкавшись въ западныхъ университетахъ. Но стѣну лбомъ не прошибешь. По одежкѣ протягивай ножки. За моремъ телушка—полушка, да провозу рубль. Вѣдь, для усовершенствованія нашей общины, не выписывать же намъ католицизмъ, протестантизмъ и піэтизмъ изъ-за границы. Будемъ по крайней мѣрѣ довольны тѣмъ, что тогда какъ католицизмъ есть уже дѣло поконченное, и кромѣ того, что̀ онъ произвелъ уже, ничего подобнаго болѣе на свѣтъ не произведетъ,—наше православіе еще содержитъ въ себѣ начало незаконченное и способное къ развитію. Будемъ утѣшать себя этой мыслью, она пригодится не для насъ, но, можетъ быть, для нашихъ внуковъ. Не все же жить въ настоящемъ, надо умѣть жить и въ будущемъ; а безъ этого умѣнія—бѣда; не имѣя его, да имѣя слишкомъ живое чувство, можно попать Богъ знаетъ куда. Не теряйте терпѣнія, — одна попытка не удалась, попробуйте на другой манеръ, но за сдѣланное однажды держитесь крѣпко обѣими руками, не упускайте его изъ отчаянія, что нейдетъ такъ, какъ бы хотѣлось.

„Мысль учрежденія общины въ критическое время, ея дѣйствія

—это все факты „Errungenschaft“, по-русски—достигнутости, какъ выражался король прусскій, когда ему было жутко; это все-таки прогрессъ; оставить все это, бросить, кинуть—значило бы сдѣлать шагъ назадъ. А вы, какъ истая русская прогрессистка, какою я васъ привыкъ всегда видѣть, не должны объ этомъ и думать. И, я васъ увѣряю, если вы покинете общину, то будете сами потомъ грустить и упрекать себя. Великая княгиня не потеряла участія къ общинѣ, это доказываетъ и ваше путешествіе, и пріобрѣтенный домъ; зачѣмъ же натягивать тетиву слишкомъ туго!

„Мужайся, стой и дай отвѣтъ! Казенщину трудно вытащить изъ сердца и головы русскаго человѣка; она проникла и въ сердце женщины со временъ Петра, а съ ними и въ Крестовоздвиженскую Общину. Какъ же быть; не вы однѣ съ этимъ добромъ возитесь; съ нимъ и церковь Божія не скоро сладитъ. Прощайте покуда, уже поздно, и я иду спать, а вы бодрствуйте —за себя и за общину.—Вашъ Пироговъ“.

Еще прежде чѣмъ великая княгиня уѣхала весной въ чужіе края, я говорила ей, что, можетъ быть, мать Софіи Веніаминовны Броневской, которая была у насъ сестрой, согласится пріѣхать хоть вмѣстѣ съ дочерью, чтобы заняться испытуемыми.

Я ее лично мало знала, но читала ея письма, въ которыхъ такъ ясно была видна ея доброта, религіозность и полное сочувствіе служенію сестры милосердія, что̀ и ясно доказывалось тѣмъ, что, живши только вдвоемъ съ дочерью, она не противилась ея желанію и отпустила ее; а когда на ту вдругъ нашло уныніе и желаніе вернуться домой, то она же ее уговаривала не бросать разъ начатаго дѣла и послѣ того, какъ она надѣла крестъ, оставаться, какъ тогда давала обѣщаніе, весь положенный годъ.

Въ 1858 году, Анастасія Александровна Броневская пріѣзжала за своей дочерью изъ смоленской губ., гдѣ она жила въ своемъ имѣніи. Тутъ я съ ней и познакомилась.

Итакъ, я, съ разрѣшенія великой княгини, написала къ Анаст. Алекс., и въ письмѣ, отъ 3-го іюля, она изъявила полное согласіе поступить къ намъ, чтобы заниматься испытуемыми.

Выписываю нѣсколько словъ изъ ея письма: „Oui, Madame, j'accepte avec reconnaissance, puisque vous m'en jugez digne votre bienveillante proposition de prendre ma part de travail à l'Община et de coopérer en tout que je pourrai et avec l'aide de Dieu à son avancement moral, mission toute de paix et d'amour qui s'accorde si bien avec mon caractère. Je l'accepte aux termes énoncés dans la lettre de m-lle Rhaden“.

(Да, я принимаю съ благодарностью, такъ какъ вы считаете меня достойной, ваше благосклонное предложеніе, взять на себя долю труда въ общинѣ и принять участіе, насколько могу и съ Божьей помощью, въ ея нравственномъ преуспѣяніи—дѣло мира и любви, столь подходящее къ моему характеру. Я соглашаюсь на условіяхъ, высказанныхъ въ письмѣ г-жи Раденъ.)

Я сдѣлала эту выписку, чтобы было видно, что не я одна ее приглашала. Я это письмо Анаст. Алекс. сообщила великой княгинѣ въ Остенде. Въ концѣ сентября я получила еще одно письмо отъ Анаст. Алекс., что годъ очень хорошъ, что все можно скоро продать, и что онѣ уже дѣлаютъ нѣкоторыя приготовленія къ отъѣзду. Но вѣдь надо вспомнить, что это еще было при крѣпостномъ положеніи, поэтому многое лежало на совѣсти, и, оставляя деревню, надо было о всемъ подумать и устроить.

Докторъ Тарасовъ уѣхалъ въ чужіе края; сестеръ пріѣзжалъ учить анатоміи и перевязкамъ докторъ Чартораевъ, а для больныхъ сестеръ ѣздилъ Конст. Ос. Лапушинскій, который теперь главный докторъ Александровской больницы, а тогда былъ ординаторомъ въ той чернорабочей больницѣ, которая тогда была на этомъ же мѣстѣ.

Священника у насъ не было; служить къ намъ въ общину приходили по очереди священники екатеринославской церкви; ихъ было тогда тамъ трое. А священникъ Полисадовъ, о которомъ я уже прежде говорила, скоро отказался, говоря, что у него очень много дѣла и что ему очень далеко къ намъ ѣздить. Кажется, онъ или уже былъ, или вскорѣ поступилъ въ Петропавловскій соборъ въ крѣпости; такъ, наши духовные уроки, или, лучше сказать, назиданія, прекратились.

13-го сентября у насъ была торжественная всенощная, и на другой день—обѣдня и завтракъ отъ великой княгини, и постный, и скоромный. Были тоже ею приглашенные гости. Все шло великолѣпно и парадно. Великая княгиня была очень любезна, только одно слово меня больно укололо, и можно было тогда же предугадать его послѣдствія. Это было сказано, когда я съ великой княгиней поднималась по лѣстницѣ: „Eh bien! nous avons une maison, et cependant les soeurs s'en vont“! (Что-жъ! Вотъ у насъ и домъ, а сестры все-таки уходятъ!)

Это было точно предсказаніе огорченій и непріятностей, которыя меня ожидали въ новомъ домѣ, о покупкѣ котораго я такъ хлопотала!..

Съ пріѣздомъ великой княгини, пошли разныя починки, переправки и устройства въ домѣ. Не помню, въ это ли точно

время, или нѣсколько позднѣе, великая княгиня пожелала, чтобы въ Крестовоздвиженской Общинѣ были тоже сестры, которыя бы посѣщали бѣдныхъ и раздавали пособія. На это дѣло и поступила сестра Варв. Ив. Щедрина, которая только-что вернулась изъ продолжительнаго отпуска. Кто была ея помощница—не помню.

Не помню также, когда именно, но въ концѣ ноября великая княгиня мнѣ вдругъ сказала, что она беретъ изъ женскаго монастыря одну графиню, полу-монахиню, и что она можетъ заниматься съ испытуемыми. Это меня совершенно поразило и испугало. Я напомнила великой княгинѣ, что вѣдь мы для этого ждемъ Ан. Алекс. Броневскую, которая такъ устраиваетъ свои дѣла въ имѣніи, чтобъ пріѣхать къ намъ. Не знаю, какая дама, или дамы, имѣли несчастную мысль рекомендовать великой княгинѣ эту графиню, и вѣрно очень ее расхвалили, потому что Эд. Ѳед. сама привезла ее къ намъ, водила по всему дому и предложила ей выбирать, какую она захочетъ комнату.

Я должна сознаться, что я ее приняла нелюбезно; но меня такъ волновала мысль, что Броневская пріѣдетъ, — и вдругъ ея мѣсто занято! Какое же мое положеніе будетъ по отношенію къ ней? Но, слава Богу, все обошлось хорошо, только... Но лучше буду продолжать разсказывать по порядку.

10-го декабря, день, въ который пять лѣтъ тому назадъ я поступила въ сестры, великая княгиня прислала мнѣ вѣнокъ лавровый съ камеліями и велѣла сказать, что она вспомнила этотъ день, а я невольно вспомнила изъ старинныхъ французскихъ стиховъ:

De tout laurier le poison est l'essence!..

13-го декабря, былъ у насъ Ник. Ив. Пироговъ. Онъ быстро обѣгалъ весь домъ. Наканунѣ онъ былъ у великой княгини. Она ему говорила, что хочетъ устроить нѣчто религіозное. Онъ ей прямо сказалъ: „Тогда Бакунина не можетъ быть настоятельницей, да и все это кончится ипокритствомъ—что̀ всего хуже“.

Онъ оставался въ Петербургѣ не долго, но помню, что два или три вечера я была съ нимъ вмѣстѣ у Эд. Ѳед., и мы до поздней ночи толковали и составляли уставъ. Ник. Иван. говорилъ, что уставомъ спѣшить нечего, что община существуетъ de facto. Говорили мнѣ, что былъ тоже проектъ устава, написанный о.о. Васильевымъ и Янышевымъ. Я его не видала, но слышала неблагопріятные отзывы о немъ.

Еще у насъ было много разговоровъ съ великой княгиней о

разныхъ перемѣнахъ. Она и Раденъ находили, что надо ихъ дѣлать исподволь, а я находила, что лучше вдругъ,—разумѣется, давая полное право всякой желающей выйти сейчасъ же изъ общины. А если дѣлать помаленьку, то это будетъ волновать сестеръ, всѣ будутъ ожидать постоянно чего-нибудь новаго и толковать объ этомъ. Но это такъ и осталось открытымъ вопросомъ при мнѣ,—не знаю, что̀ было послѣ.

На новый 60-й годъ у насъ была лотерея для сестеръ. Я, на деньги отъ великой княгини, покупала разныя бездѣлушки, несессеры для работы или писанья, бювары, чернильницы, прессъ-папье. Изъ дворца были присланы чашки, стаканы и пр.

Лотерея въ общинѣ была наканунѣ новаго года, а 2-го января я поѣхала въ Кронштадтъ, чтобы и тамъ устроить тоже лотерею. Всѣ были веселы и довольны.

Но вернувшись изъ Кронштадта, я нашла уже въ очень дурномъ положенiи одну изъ испытуемыхъ. Она была наша сосѣдка по деревнѣ, и сестра привезла ее съ собой. Это была простая, добрѣйщая дѣвушка—она поступила въ общину, чтобы, проведя въ ней нѣсколько лѣтъ, выучиться ходить хоть нѣсколько за больными, приглядѣться къ болѣзнямъ и вернуться въ деревню, чтобъ ухаживать за больными крестьянами, что̀ она и прежде дѣлала, просиживая ночи въ избѣ надъ больными. А это гораздо мучительнѣе, чѣмъ въ госпиталѣ! Во-первыхъ, нѣтъ ничего подъ руками, чтобъ помочь, а во-вторыхъ, семья, дѣти, которыя рыдаютъ, жена, которая причитаетъ: „На кого ты насъ, несчастныхъ, покидаешь!.. Будутъ наши дѣточки выпрашивать подъ окошкомъ кусочки!..“ Это такъ ужасно слышать! И вотъ на этотъ скрытый и смиренный подвигъ она себя готовила. Но Богъ ее прежде призвалъ къ себѣ, и, послѣ двухъ слишкомъ недѣль страданiя, она скончалась...

23-го янв., Анаст. Алекс. Броневская съ дочерью прiѣхала. Радостно было для меня свиданiе, но все-таки меня безпокоило, какъ-то все обойдется. И какъ нарочно, великая княгиня была не совсѣмъ здорова и десять дней не принимала ее. Но когда она вернулась отъ великой княгини довольная и съ тѣмъ, что она должна заниматься испытуемыми,—я была такъ рада, почувствовавъ большое облегченiе.

Въ февралѣ она и начала заниматься испытуемыми, читала имъ и просила тѣхъ, которыя плохо читали и писали, заниматься съ нею. На 4-й недѣлѣ поста нѣкоторыя сестры должны были надѣть крестъ. Великая княгиня пожелала, чтобы это происходило у нея во дворцѣ; и послѣ обѣдни сестры получили кресты, по-

томъ былъ завтракъ, grand maigre, безъ рыбы, такъ какъ я прежде сказала, что на крестопоклонной недѣлѣ мы строго постимся. Софи Броневская тоже опять надѣла крестъ.

И какъ намъ хорошо жилось въ это время! Анаст. Алекс. была такая добрая, такая снисходительная, съ такой любовью, съ такой сердечной добротой относилась ко всякому. Отрадно, спокойно было на душѣ!..

Но не долго это продолжалось. Послѣ всенощной въ вербную субботу Анаст. Алекс. почувствовала себя нехорошо. Ночью начались приступы, какъ въ холерѣ, хотя въ это время ни въ одномъ нашемъ госпиталѣ, да и во всемъ Петербургѣ не было о ней и слышно. Во вторникъ она скончалась! Никогда не забуду этой ужасной ночи! Дочь ея была въ отчаяніи, а для меня это была ужасная потеря, — точно я почувствовала, что нѣтъ Божьяго благословенія на моихъ начинаніяхъ!..

Никогда не забуду службы этой Страстной недѣли. Когда шла служба 12-ти Евангелій, Анастасія Александровна лежала въ гробу посреди церкви. Слава Богу, тогда не была такъ развита паника всѣхъ микробовъ и бактерій, и мы спокойно окружали ея гробъ (да никто и не занемогъ). Въ пятницу мы, послѣ отпѣванія, проводили ее на кладбище. Я не въ состояніи была причащаться въ четвергъ, и отложила до субботы. Помню, что меня передъ самымъ Евангеліемъ, когда священникъ облачается въ свѣтлыя ризы, позвали къ сестрѣ Егоровой. Это была хорошая сестра изъ тѣхъ, которыя пріѣхали со мной въ Екатеринославъ; она уже тамъ имѣла всѣ признаки чахотки, и можно было удивляться, что она еще такъ долго прожила. Она меня просила о матери и сестрѣ, которая тоже была въ общинѣ, просила, чтобы ее схоронили на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ ея родные, говорила о разныхъ мелочахъ для сестры, была въ полной памяти, говорила спокойно и тутъ же тихо скончалась!.. И я, перекрестивъ и поцѣловавъ ее, еще успѣла придти къ концу обѣдни и принять Св. Таинъ. Всякій вѣрующій можетъ легко понять, съ какимъ чувствомъ я въ этотъ разъ причащалась.

Хотя Святая недѣля въ этомъ году была ранняя, но однако въ день погребенія сестры 6-го апрѣля, солнце ярко блистало, и мы при торжественномъ пѣніи: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“ проводили ее, по ея желанію, на далекое отъ насъ Смоленское кладбище.

7-го мая великая княгиня уѣхала. По всему можно было видѣть, что ея отношенія ко мнѣ были не тѣ, что̀ прежде, хотя, кажется, теперь графинѣ нечего было быть недовольной; послѣ

кончины Броневской, ея положеніе стало совсѣмъ опредѣленнымъ: она сдѣлалась вполнѣ сестрой-наставницей испытуемыхъ. Но она волновалась изъ-за всякихъ пустяковъ, даже изъ-за дурно приготовленнаго для нея супа; а когда приходилось послать испытуемую на дежурство въ госпиталь, она говорила, что это *козни* противъ нея, дѣлала сцены, которыя выводили меня изъ терпѣнія.

Да, я должна признаться, что не нахожу правильнымъ такое терпѣніе, которое будетъ смотрѣть молча на то, что̀ приноситъ вредъ. Но всѣ эти coups d'épingles волновали и огорчали меня, и я просила Бога просвѣтить меня. Неужели я одна виновата во всей этой неурядицѣ?

Я имѣла привычку—„въ минуту жизни трудную, тѣснится ль въ сердцѣ грусть", ѣхать помолиться въ Казанскій соборъ, который я очень любила. Вотъ и при этихъ мучительныхъ вопросахъ я поѣхала туда. На крыльцѣ собора я встрѣтила игуменью и казначейшу здѣшняго монастыря. Я съ ней была знакома. Мы стали разговаривать. Она съ участіемъ спросила меня: „А графиня у васъ"? (она прежде жила въ ихъ монастырѣ). Я отвѣчала, что у насъ. Тогда она, взглянувъ на меня съ участіемъ, повторила два раза: „Дай вамъ Богъ терпѣнья! Дай вамъ Богъ терпѣнья"! И это меня нѣсколько успокоило.

В. И. Тарасовъ вернулся въ маѣ. Ему было поручено устроить въ пристройкѣ дома, гдѣ у Доста были какіе-то странные бассейны для его ортопедическихъ больныхъ, небольшую женскую больницу. Но для этого требовались большія передѣлки.

Ему отведена была квартира во дворцѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ нанять квартиру внѣ общины. Это тоже былъ знакъ недовѣрія, а у насъ, въ нашей домашней жизни, все шло хуже и хуже и удручающе дѣйствовало на умныхъ и развитыхъ сестеръ, а для любившихъ сплетни и пустые пересказы это было на́-руку.

Священникъ, который часто бывалъ въ общинѣ, разъ даже въ церкви, въ проповѣди, не говорилъ просто христіанской проповѣди, а, стоя передъ царскими дверьми, позволилъ себѣ говорить разныя личности. Я помню, въ какомъ смущеніи сестры выходили изъ церкви.

Можетъ быть, я слишкомъ подробно пишу объ этомъ, но мнѣ хотѣлось показать тотъ вредъ, который происходитъ въ общемъ дѣлѣ, если занимающіеся имъ не дѣйствуютъ и не живутъ въ полномъ согласіи.

Я рѣшилась оставить общину. Какъ мнѣ это ни было грустно и тяжело, но я видѣла, что болѣе я не была полезна,—напротивъ того, можетъ быть, противъ своей воли—вредна!..

Итакъ, я начала съ того, что просила отпуска. Это было записано въ журналѣ комитета. На комитетскихъ протоколахъ великая княгиня дѣлала на поляхъ собственноручныя замѣчанія и написала: „*Прошу остаться до моего возвращенія*".

Тогда я отправила письмо прямо къ великой княгинѣ, писала, что я оставалась въ общинѣ, пока надѣялась, что могу быть полезна, а теперь, видя всѣ неурядицы и ея отношеніе ко мнѣ, нахожу, какъ мнѣ это ни грустно и ни тяжело, что я дольше не должна оставаться.

На это письмо Эд. Өед., по приказанію великой княгини, оффиціально мнѣ писала, что великая княгиня отпускаетъ меня въ отпускъ, но она еще не принимаетъ моего рѣшенія совсѣмъ оставить общину; успокоясь и отдохнувъ въ деревнѣ, я должна написать вторично.

А сама Эд. Өед. послала мнѣ очень длинное, непріятное и жесткое письмо, на которое я ей тоже, можетъ быть, рѣзко отвѣчала.

Не могу сказать, чтобы ея письмо заставило меня рѣшиться, потому что я совершенно рѣшилась еще тогда, когда писала къ великой княгинѣ, но ея письмо утвердило меня въ мысли, что я поступаю какъ должно.

Итакъ, покончивъ разныя дѣла и отдавъ въ дѣтскую больницу бѣлье, которое готовилось у насъ, я стала собираться къ отъѣзду. Съѣздила проститься въ Кронштадтъ съ сестрами, какъ уѣзжающая въ отпускъ, а съ сестрой М. И. Алексѣевой—какъ оставляющая общину совсѣмъ.

Грустное было прощанье! Какъ она плакала! Но съ ней наша дружба продолжалась и въ письмахъ, и въ рѣдкихъ свиданіяхъ.

И въ домѣ я прощалась, какъ уѣзжающая въ отпускъ,—такъ этого желала великая княгиня. Но тутъ были сестры, которыя знали, что я уѣзжаю совсѣмъ.

Въ общинѣ былъ установленъ порядокъ, что сестра, уѣзжающая въ отпускъ, снимала и оставляла въ общинѣ свой золотой крестъ, который мы носимъ на широкой голубой лентѣ.

Живо помню свѣтло-сумрачную петербургскую лѣтнюю ночь, полумракъ красивой общинной церкви, и какъ я вошла въ нее одна, помолилась, заплакала и сняла, съ грустью, но съ полной рѣшимостью, тяжелый крестъ сестры-настоятельницы и повѣсила его на общинскій образъ Воздвиженья Креста Господня...

На другой день я уѣхала...

Еще прибавлю нѣсколько словъ. Когда въ 1879 году ис-

полнилось 25 лѣтъ основанія общины, я получила отъ великой княгини Екатерины Михаиловны слѣдующую телеграмму:

„Въ сегодняшній день исполнившагося двадцатипятилѣтія, Крестовоздвиженская Община сестеръ милосердія не можетъ не вспомнить съ чувствомъ особой признательности о вашей неутомимой образцовой дѣятельности въ Общинѣ въ самые трудные для нея года зарожденія и устройства.—Екатерина“.

Эта телеграмма была мнѣ очень пріятна. Она меня удостовѣрила въ томъ, что мое пребываніе въ общинѣ не было для нея безполезно.

Екатерина Бакунина.

с. Казицыно.
1888 — 1889 г.

